

Звездная система Гамма

«Из официального сообщения Главного управления контроля качества звёздной системы стало известно, что с 21 700 года по звёздному календарю, когда был зарегистрирован первый случай синдрома отсутствия предначертанного партнера, число заболевших в системе Гамма превысило тысячу человек. Это означает, что недуг грозит примерно каждому десятитысячному жителю. Причины заболевания до сих пор не установлены, пути его передачи также остаются неясными. Тем не менее ответственные лица призывают граждан не поддаваться панике и сохранять спокойствие. Данный синдром не является ни физическим, ни психическим расстройством. Он не угрожает жизни и не доставляет пациентам бытовых неудобств. Эти люди просто уподобились обитателям миров за пределами системы Гамма — они лишены врождённого знания о том, кто предначертан им судьбой».

— Ваша милость, можно ли сказать, что вы родились особенным? Избранным, одним на миллион?

—...

— И каково это — жить с синдромом отсутствия предначертанного партнера?

— Куда лучше, чем быть обычным. Ты можешь стать таким, каким хочешь видеть себя сам, а не подстраиваться под чужие вкусы и стандарты красоты.

— И вы никогда не думали о том, чтобы найти способ исцелиться?

— Никогда.

Уплетая золотистые жареные пельмени-цзяньцзяо, Ше Цзе между делом согласился прийти к Фан Чаоцы на праздник проветривания книг.

До чего же они были хороши! Хрустящее золотистое тесто, сочная начинка, оставляющая долгое приятное послевкусие... В точности как те, что Ше Цзе пробовал тогда у подножия горы возле монастыря Тяньнин Ваньшоу. Чистый восторг!

— Угощайся тоже, — Ше Цзе пододвинул тарелку Фан Чаоцы.

Фан Чаоцы сидел рядом. Он не проронил ни слова, лишь мягко улыбался, не сводя с юноши глаз. В этом взгляде читалось терпение длиною в вечность — словно он уже ждал Ше Цзе целый шестидесятилетний цикл и готов был ждать ещё десять таких циклов, незыблемый и верный.

Чтобы избавить Ше Цзе от неловкости одинокой трапезы, Фан Чаоцы занялся делами — принялся слушать доклад Люлана о подготовке к празднику. Ранее, пока Ше Цзе дожидался друга с утренней аудиенции, он набросал несколько дельных советов, опираясь на собственный богатый опыт. Когда дело доходило до праздников, угощений и развлечений, уму Ше Цзе не было равных — здесь его изобретательность казалась неиссякаемой.

Собственно говоря, Ше Цзе поначалу даже хотел привезти часть отцовских книг, чтобы помочь новому другу пустить пыль в глаза и придать его собранию весу. Но увы: пока Ше Цзе лежал без чувств, старый управляющий усадьбы Ше, отличавшийся невероятным рвением, по заведённому обычаю уже проветрил всю домашнюю библиотеку. Книги не просто вынесли на солнце на день-другой — их бережно сушили целых два месяца, от самого разгара лета до начала осени. По размаху и длительности это едва ли уступало сушке манускриптов в императорских Государственных архивах.

И столь долгая сушка была необходимостью: ежегодно все учёные мужи Цзяньнаня с нетерпением ждали этого события. Даже северные книжники не ленились проделывать огромный путь на юг ради ежегодного праздника в усадьбе Ше.

К слову, многие из тех литераторов, что прибыли с севера в этом году, благодаря поездке чудом разминулись с падением Юнцзи. Прежде они без конца ворчали на несносного Туньэр Ше, который взбаламутил всех и заставил перебраться в Цзянцзо, а теперь не знали, как и благодарить Наследника за его поистине гениальное решение.

Подумать только: стоило ветру перемениться, и презрительное прозвище «Туньэр Ше» мигом сменилось уважительным «Наследник Ше». До чего же практичны эти люди!

Разумеется, почтенные мэтры литературы и бедные студенты стекались в усадьбу Ше вовсе не для того, чтобы вести учёные беседы с невежественным Наследником. Их манила возможность воочию увидеть бесценные автографы Ше Хэ с его личными заметками на полях, а также редчайшие свитки и единственные в своём роде фолианты, которые Великая старшая принцесса когда-то раздобыла для своего супруга.

Собрание дома Ше, по сути, превратилось в грандиозную книжную выставку — причём совершенно бесплатную, да ещё и с угощением. Настоящее торжество словесности, собиравшее цвет общества раз в год. Для неимущих студентов из окрестностей Цзянцзо это был редкий, бесценный шанс прикоснуться к великому знанию.

Именно поэтому, даже пока Ше Цзе лежал без памяти, праздник проветривания книг отменять не стали. Его провели под началом старых друзей покойного Ше Хэ. Пожилые наставники проявили трогательную заботу: перед открытием они призвали собравшихся вознести благодарность Ше Цзе и совершить совместный молебен о его здравии. Более того, во время одного из традиционных поэтических состязаний, которыми развлекали гостей в перерывах между сушкой свитков, темой для стихосложения избрали самого Ше Цзе, что изрядно добавило Наследнику доброй славы.

Сам виновник торжества, пребывая в глубоком беспамятстве, об этом и не подозревал, а придя в себя, даже не поинтересовался подробностями.

Служба звала, и Фан Чаоцы не мог позволить себе долгие посиделки. Договорившись о совместном ужине, он поспешил в Приказ государственной казны — дела шаоцина никогда не ждали. То, с каким изяществом Фан Чаоцы садился в седло перед воротами под тёмной черепичной крышей, приковывало взгляд. Обернувшись, он увидел у ворот Ше Цзе — тот стоял, сонный и трогательный, лениво помахивая рукой на прощание. Рядом с ним чинно восседал белый кот Фэйлянь, а на плече его вертелся непоседливый хохлатый попугай Эр-е.

Фан Чаоцы махнул им в ответ. Его ладонь всё ещё хранила тепло, а в воздухе, казалось, веял едва уловимый сладковатый аромат спелых фруктов, исходивший от Ше Цзе. Развернув коня, Фан Чаоцы пустил его рысью. Пальцы крепко сжимали поводья, словно это мимолётное прощание наполнило его тело безграничной силой.

Едва Фан Чаоцы скрылся за поворотом улицы Оленьего Дозора, Ше Цзе опустил руку и привычно завёл шутливый спор с белым котом:

— Ну что, Фэйлянь, пойдёшь ко мне в гости? Так и знал, что ты просто мечтаешь об этом! Что ж, решено, идём. Ох, горе моё, раз уж ты так настойчиво просишься на ручки, так и быть, понесу тебя.

Люлан лишь безмолвно покачал головой.

Дядюшка Чжун сокрушённо вздохнул.

По извилистой тропке средь пёстрых цветов мотыльков догонять,

У резных балюстрад на закате лениво учить попугая...

Когда Шэнь-цзун в очередной раз тайно выбрался из временного дворца, чтобы навестить Ше Цзе, его едва не захлестнула чёрная зависть к праздной жизни племянника. Возиться со всяким зверьём, бездельничать целыми днями — разве не об этом он сам мечтал всю жизнь?

— А давай поменяемся местами? — совершенно серьёзно предложил император.

— Ну уж нет, ни за что на свете! — Ше Цзе замотал головой с такой силой, что едва не заработал головокружение. Скажи он такое при посторонних, его точно сочли бы безумцем. — Дядюшка, не нужно меня губить.

Шэнь-цзун горестно вздохнул. Выглядел он при этом как глубоко несчастный центнеровый

толстяк. От избытка чувств он даже притронулся к сладкому рисовому пирогу цзэнгао лишь пару раз — и сладкие финики с красными бобами в начинке показались ему пресными и безвкусными. Напоследок он пустился в неожиданные философствования:

— Ты умоляешь меня не губить тебя... А мне-то кого умолять, чтобы меня оставили в покое?

Шэнь-цзун по природе своей всегда был добродушным увальнем, напоминающим пышный пирожок-баоцзы, но за те немногие месяцы, что он провёл на троне, он повзрослел и нажил забот больше, чем за все предыдущие сорок лет. Количество его вздохов превысило всё мыслимое число.

Ше Цзе очень хотелось сделать вид, будто он не понимает намёков своего царственного дяди, но, увы, намёки были слишком очевидными. Столкнувшись с этим умоляющим, полным вселенской скорби взглядом, Ше Цзе мысленно выбросил белый флаг.

— Ну и кто из министров опять попил твоей кровушки? — осторожно спросил Наследник Ше.

— Да все до единого! — Шэнь-цзун так и ждал этого вопроса. Он недовольно надулся, став поразительно похожим на раздувшегося иглобрюха.

Ше Цзе внезапно почуял неладное и пожалел, что вообще открыл рот.

Однако императора уже было не остановить. Поймав племянника на крючок, он вцепился в его рукав своими пухлыми белыми пальцами, словно боясь, что тот сбежит, и принялся изливать душу, полностью игнорируя страдальческую мину на лице Ше Цзе.

Шэнь-цзун обожал почесать языком и, так же как и его племянник, постоянно перескакивал с темы на тему. С жалоб на сегодняшнюю несусветную рань и утреннюю аудиенцию он плавно перешёл к воспоминаниям о былом величии и блеске Юнцзи несколько месяцев назад.

— Вспомни былые времена! Твой дядя ведь когда-то тоже щеголял в роскошных шелках на лихом коне, жил вольно и красиво, верно?

—... Пожалуйста, не оскверняй эти прекрасные выражения своим описанием.

— А теперь? Сажу под замком, точно преступник в темнице, света белого во временном дворце не вижу, да ещё и рта раскрыть не смею!

Император, как и Ше Цзе, терпеть не мог сидеть на одном месте. Он обожал изысканную еду, нарядные одежды и шумное веселье — в этом и заключались все его нехитрые жизненные радости.

Но какое веселье может быть на этом крошечном клочке земли, именуемом временным дворцом? Распалаясь всё сильнее, Шэнь-цзун сердито фыркнул. Дошло до того, что стоило ему краем глаза взглянуть на состязание по женской борьбе, как министры тут же завели волынку о попрании приличий! Жизнь превратилась в высохший колодец — тоска зелёная, да и только.

— Сегодня на совете опять глотки драли из-за переноса столицы в Цзянцзо. Ладно бы просто спорили, так нет же — из вежливости спросили моё мнение! Ну я и сказал, что хочу вернуться в Юнцзи. Наш прадед не для того не щадя живота своего отвоёвывал Юнцзи, чтобы его любимый внук теперь трусливо отсиживался в этом захолустном Цзянцзо! И что ты думаешь? Стоило мне высказаться, как они дружно накинулись на меня всей сворой! Стали попрекать детской наивностью и неумением смотреть правде в глаза. Да кого я вообще трогал? Не хотите знать — не спрашивайте! А раз спросили, так получайте! Столицей был и останется Юнцзи! У всех прежних владык престол стоял там, с какой стати при мне всё должно измениться? Это я-то не смотрю правде в глаза? Или у этих трусов просто кишка тонка? Да они мизинца моей старшей сестры не стоят! Она хоть и женщина в годах, а куда мужественнее этих так называемых государственных мужей!

— Да-да, всё верно! У них просто опилки в головах вместо мозгов! — Ше Цзе с малых лет усвоил золотое правило общения: когда кто-то взхлёб ругает весь свет, ему не нужен объективный разбор полётов или занудные нотации. Ему нужно лишь одно — чтобы собеседник поддержал его праведный гнев и разделил поток ругательств. — Не принимай близко к сердцу их болтовню. В конце концов, правитель здесь ты! Если ты не приложишь императорскую печать к указу, они сами этого сделать не смогут. Стой на своём до конца и не давай спуску этим заносчивым умникам! Иначе они окончательно сядут тебе на шею.

Старый управляющий усадьбы, подслушивавший за дверью гостиной, едва не схватился за сердце. «О великие предки, Наследник! Если Цзянцзо не признают столицей, что станет со стоимостью наших усадеб и окрестных земель? Нельзя же нести такую околесицу!»

Император тем временем шумно шмыгнул носом, к нему начал возвращаться здравый смысл. Он с подозрением покосился на племянника:

— Ты и правда думаешь, что отказ от переноса столицы в Цзянцзо — хорошая мысль?

— Естественно! — Ше Цзе всегда стоял горой за своего дядюшку.

Попугай Эр-е, сидевший на жёрдочке, тут же важно поддакнул:

— Наследник прав! Наследник прав!

Похоже, в его кормушке опять закончились семечки.

— Ну... тогда я ещё поразмыслю над этим, — внезапно засомневался Шэнь-цзун. Если уж его ветреный племянник с такой горячностью одобрял идею, велика была вероятность, что затея

отдаёт полным безумием.

Ше Цзе лишился дара речи.

— Одного не пойму, — наконец нарушил молчание Ше Цзе. — С чего вдруг все так рвутся в Цзянцзо? В Юнцзи что, волки за ними по пятам гонятся, или в здешней земле зарыт неиссякаемый источник бессмертия?

Ше Цзе искренне не понимал логики этих высокоучёных мужей. Ему казалось, что у них помутился рассудок: мало им было отравить разум его двоюродного брата, теперь они добрались и до его бедного дядюшки!

Шэнь-цзун вздрогнул и поспешил прикусить язык.

Ше Цзе ведь до сих пор не знал всей правды о том, что творится за стенами усадьбы. В Юнцзи хозяйничали вовсе не волки — туда ворвались варвары, жестокие и беспощадные, словно выходцы из преисподней. При одной только мысли о них жир на теле Шэнь-цзуна затрясся мелкой дрожью. Кочевники наводили ужас: каждый из них был воином, они грабили, жгли и вырезали целые города, не зная пощады и сострадания.

И при всём этом среди придворных находились непроходимые глупцы, твердившие, будто не следует разжигать межнациональную рознь. Кровавое вторжение варваров эти умники предлагали вежливо именовать «мирным переселением северных племён на юг»!

Во время аудиенции Шэнь-цзун поначалу даже не сообразил, к чему клонят докладчики. Лишь позже, когда личный евнух разъяснил ему истинный смысл этих красивых формулировок, государь вспылал такой яростью, что едва не велел вернуть тех советников назад, чтобы лично отчитывать их три дня и три ночи напролёт. Чем они думали? Книжная премудрость коту под хвост! Враг уже втаптывает их в грязь, а они пекутся о том, как бы не ранить чувства завоевателей! Неужели не ясно: люди по природе своей уважают только силу? Чем больше гнёшь спину и уступаешь, тем ничтожнее кажешься в глазах противника. Это никогда не остановит насилие. К тому же, если в одностороннем порядке обозвать набеги и резню варваров «дружественным культурным обменом», сами кочевники вряд ли оценят подобное красноречие. Скорее уж просто прибьют шутики ради!

От этих мыслей у императора снова закипела кровь.

Лишь спустя некоторое время он понемногу остыл и со вздохом обратился к Ше Цзе:

— Я и сам понимаю, что при нынешних обстоятельствах остаться в Цзянцзо — разумнее всего. Но всё же... всё же...

Шэнь-цзун вовсе не был глупцом, он просто не любил утруждать себя лишними

размышлениями, опасаясь, как бы его скромных умственных способностей не оказалось мало для спасения и без того истерзанного государства. Но в вопросе переноса столицы он проявил редкое упрямство. Он и сам не мог толком объяснить почему, но признавать Цзянцзо новой столицей наотрез отказывался. Ему казалось, стоит произнести эти слова, как империя окончательно прекратит своё существование.

Он не мог допустить, чтобы наследие предков сгинуло по его вине.

Правильно ли он поступал? Государь не знал. Ему до смерти хотелось обсудить это с кем-то понимающим, но верных советников рядом не было. Супруга его, Императрица Су, происходила из простых людей и, к счастью, обладала редким самообладанием, никогда не вмешиваясь в государственные дела. Вдовствующая императрица Не, едва оправившись после недавних родов, внешне казалась хрупкой и кроткой, но на деле оказалась яростной сторонницей войны. Не успел закончиться положенный после родов месяц отдыха, как она уже вовсю погрузилась в управление страной: помогала разбирать доклады, сдерживала амбиции придворных фракций и выказывала прямо-таки маниакальное желание стереть варваров с лица земли. Что же до изнеженных придворных чиновников, презиравших военное ремесло, то они в страхе жались по углам, совершенно не походя на мужчин...

Ше Цзе, оставаясь в неведении о подлинных масштабах беды, рассуждал со своей колокольни:

— В Юнцзи жизнь бьёт ключом, зачем от него отказываться? Они боятся, что столица расположена слишком близко к северным границам и незащищена перед угрозой? Но если государь покинет её, не станет ли север ещё слабее? Оставить такие благодатные земли варварам — это всё равно что собственноручно вскормить тигра! Юнцзи — не просто крупный город и ключевая крепость. Это священный символ. Пока стоит Юнцзи, жива и Великая Ци!

— Вот! Истинно золотые слова! — воодушевлённо воскликнул Шэнь-цзун, от избытка чувств изо всей силы хлопнув племянника по спине своей тяжёлой ладонью. Ше Цзе едва устоял на ногах. Дядюшка обрёл долгожданное единомыслие. Верно! Нужно вернуть свои земли! Им необходимо прогнать врага!

Но реальность отрезвляла: в ближайшее время о победном походе на север не стоило и мечтать.

Армия Великой Ци была удручающе слаба. Тридцать тысяч воинов императорской гвардии рассыпались прахом перед двумя тысячами тяжеловооружённых конников кочевников. Веками правители превозносили учёных мужей и принижали полководцев, а нехватка боевых коней превращала конницу в блёклую тень. Военное могущество государства вызывало лишь горькую усмешку.

Шэнь-цзун не стал говорить об этом Ше Цзе. Какой смысл тревожить племянника, который привык проводить дни в праздности? Чем мог помочь столичный повеса, кроме как разделить с государем пустую печаль?

О, Ше Цзе мог сделать куда больше, чем казалось.

Тем же вечером за ужином с Фан Чаоцы он не сдержался и выложил собеседнику все горести императора. Разумеется, Ше Цзе благоразумно умолчал о тайных визитах дяди в его усадьбу и ни о чём конкретном Фан Чаоцы не просил. Он просто хотел излить душу и подвести итог: «Придворные чиновники — форменные подлецы и ничтожества!»

Фан Чаоцы, формально принадлежавший к числу этих самых «подлецов», да ещё и подающий большие надежды на этом поприще, ничуть не обиделся. Напротив, он со всем пылом разделил негодование юноши.

Один из них отличался редким простодушием, а другой искусно подыгрывал каждому его слову. В итоге ужин прошёл в исключительно тёплой атмосфере. Ше Цзе окончательно проникся симпатией к Фан Чаоцы, почувствовав в нём родственную душу, и искренне пожалел, что они не сблизились раньше.

Как он мог прежде считать этого прекрасного соседа с чудесным котом опасным негодяем? Точно затмение нашло!

«Небесный камень сбил меня с пути истинного!» — сокрушался мысленно Ше Цзе.

.....

Вдоволь наевшись и наигравшись с котом, Ше Цзе захмелел, и Фан Чаоцы пришлось бережно нести Наследника обратно в соседнюю усадьбу на руках. Зачем нужно было нести его именно так? Дело в том, что столичный повеса ухитрился втайне от старого управляющего пригубить вина. На самом деле Ше Цзе не любил хмельное за резкий, обжигающий вкус и никогда не испытывал тяги к выпивке, но запретный плод, как известно, сладок — чем строже ему запрещали, тем непреодолимее становилось желание.

Юный Наследник совершенно не умел пить, но хмель действовал на него благотворно: после пары чарок он не буянил, а мгновенно засыпал, тихонько посапывая, и разбудить его в такие моменты было решительно невозможно.

Фан Чаоцы с готовностью взял заботу на себя. Люлан шёл впереди, освещая дорогу фонарём, а хозяин бережно нёс юношу, который казался лёгким, точно птичье перышко. Он наотрез отказался передать ношу слугам. Поистине, лучшего и более заботливого соседа во всей империи было не сыскать!

Старый управляющий осыпал Фан Чаоцы благодарностями. С каждым днём этот благородный господин нравился ему всё больше. Если бы только Наследник перенял хоть крупичку его ума и благонравия, за будущее дома Ше можно было бы не беспокоиться.

Бережно уложив Ше Цзе на широкое ложе, покрытое алым лаком, Фан Чаоцы отступил, уступая место служанкам и строго соблюдая приличия.

Однако перед самым уходом он замер, не в силах оторвать взгляда от спящего лица. Пальцы помимо воли потянулись к нежным, изящно очерченным губам юноши — чуть прохладным, мягким и упругим. От Ше Цзе веяло чистой, пленительной свежестью юности, навеявая в памяти сладкие строки:

«Ты — радость юности моей...»

Склонившись к самому уху спящего, Фан Чаоцы едва слышно прошептал:

— Если ты так и не вспомнишь меня, я не шутя рассержусь.

На следующее утро Ше Цзе проснулся ни свет ни заря. Скверное похмелье изрядно испортило ему настроение, и тут он наконец вспомнил о своём великом обещании: отомстить всему белому свету за прерванный покой.

Что ж, не стоит откладывать месть в долгий ящик, решено — сегодня!

Как именно мстить?

Разумеется, самым простым способом: если не спит он сам, то и никто вокруг спать не должен!

Первой жертвой его праведного гнева стал попугай Эр-е, чьи сонные привычки прежде идеально совпадали с повадками хозяина. Птица взирала на Ше Цзе с полнейшим недоумением и тоской на пернатой морде, не понимая, с чего вдруг этот двуногий раскричался спозаранку и лишил её законного сна. Беспредел, да и только!

Однако на этом великая месть бесславно завершилась.

Оказалось, что в усадьбе Ше, не считая попугая, самым ленивым соней всегда был сам Ше Цзе. И дело не только в его нынешних ранних подъёмах — даже в былые времена, когда Наследник дрых до полудня, никто из слуг не смел пренебрегать своими обязанностями ради праздного отдыха.

Ше Цзе не стал унывать и устремил свой коварный взор на соседний забор.

«Вчера была аудиенция, значит, сегодня у него свободное утро. В присутственные места чиновники обычно отправляются в час Чэнь, хорошенько позавтракав. Сейчас на дворе лишь час Мао, Фан Чаоцы наверняка ещё нежится в постели».

Решено! Он лично поднимет соседа с постели!

Ше Цзе так и горел нетерпением.

Старый управляющий и братья-близнецы мысленно покачали головами: «Наш Наследник точно затаил кровную обиду на шаоцина Фана. Разбудить человека в кои-то веки свободным утром — тут кто угодно выйдет из себя!»

Впрочем, Фан Чаоцы и не подумал бы сердиться.

По одной простой причине: его уже не было дома.

— Неужели сегодня тоже утренняя аудиенция? — Ше Цзе растерянно моргнул.

Императорские аудиенции никогда не проводились ежедневно — ни у чиновников, ни у государя на это не хватило бы здоровья. В разные эпохи правила менялись: собирались раз в три дня, в пять или даже в десять дней, да и состав участников разнился — то приглашали только высших сановников не ниже третьего ранга, то устраивали совещание исключительно для гражданских министров. Словом, чтобы два дня подряд двор будоражили утренние собрания — случай исключительный.

— Говорят, вчера важные государственные дела так и остались нерешёнными, — почтительно доложил Люлан.

Ше Цзе понимающе кивнул. Верно, вопрос о переносе столицы не терпит суеты и поспешности. К тому же его дядюшка впервые в жизни проявил упрямство — на утреннем совете наверняка кипели нешуточные страсти.

— На самом деле... даже если утренней аудиенции нет, наш молодой господин всегда встаёт в это время, — добавил Люлан. Растерянный вид Наследника Ше показался ему забавным, но он всё же решил предупредить соседа, чтобы тот не вздумал повторить свой утренний набег завтра.

— Зачем ему вставать в такую рань? — удивился Ше Цзе.

Люлан удивился в ответ:

— Но ведь все порядочные люди так встают, разве нет?

Небесный камень поспешил воспользоваться моментом, чтобы подтвердить свою правоту:

****[Ранний подъём — залог крепкого здоровья и долголетия.]****

Рано ложиться? Что верно, то верно: Ше Цзе действительно отходил ко сну очень рано. А что ему оставалось делать? В былое время можно было развлечься на ночном рынке, а теперь приходилось тушить свечи вскоре после заката. При тусклом мерцании фитиля даже чтение любовных романов не приносило былой радости.

Поэтому пробуждение в пятую стражу давалось юноше на удивление легко. Руководство по выживанию в Млечном Пути будило его вовсе не из вредности или слепого следования правилам. Внутри загадочного артефакта скрывалась невероятно точная система расчёта сна, которая подбирала идеальное время пробуждения, основываясь на качестве ночного отдыха Ше Цзе. И потому, несмотря на то что с наступлением поздней осени рассветы становились всё более ленивыми, Ше Цзе неизменно открывал глаза с первыми золотыми лучами солнца.

Но Ше Цзе упрямо не желал слушать доводы рассудка. Он прекрасно понимал пользу нового распорядка, но душа его отчаянно требовала ленивого валяния в постели.

«Мне ведь незачем спешить! Если платой за долголетие станут вечные мучения ранних подъёмов, я лучше проживу меньше, зато всласть выплюсь! Иначе зачем вообще было рождаться в такой знатной и богатой семье?» — мысленно возмущался Ше Цзе.

****[Но ты и так спишь дольше большинства простолюдинов и придворных.]**** — беспристрастно возразил Небесный камень и вывел перед глазами Ше Цзе сравнительную таблицу.

Жизнь обычных людей в Великой Ци подчинялась строгому ритму: в третью стражу затихал ночной рынок, а в пятую уже отворялись городские ворота. Разумеется, полуночные гуляки и труженики рассвета были совершенно разными людьми.

Обычный день горожан был расписан по часам.

Едва наступала четвёртая стража, над городом разносился гул монастырских колоколов. Монахи, протирая заспанные глаза, приступали к утренней службе. Вслед за тем послушники и бродячие монахи отправлялись по тихим улочкам будить спящий Цзянцзо криками рассветных вестников.

В пятую стражу стражники с натужным скрипом распахивали массивные городские ворота, пропуская внутрь бурлящую толпу крестьян с пригородных ферм. Они торопились занять лучшие места на рынках, чтобы продать свежие овощи или муку и заработать на кусок хлеба.

В то же самое время государственные мужи уже толпились у ворот временного дворца в ожидании государя. Каждый знал, что аудиенция начинается в пятую стражу. Но это вовсе не означало, что чиновники могли позволить себе спать до рассвета. Большинство из них поднимались ещё в третью стражу — те, кто выходил пораньше, порой заставляли уличных торговцев, закрывающих последние лавки ночного рынка. Им нужно было умыться, наскоро

проглотить миску горячей каши, проделать неблизкий путь во дворец и дожидаться своей очереди у ворот. Проспи они до пятой стражи — карьера была бы окончена.

Словом, ни среди вельмож, ни среди торговцев не было никого, кто нежился бы в постели после начала пятой стражи. Всем приходилось бороться за своё место под солнцем.

«А мне-то бороться не за что!» — парировал Ше Цзе. Его единственной заботой на будущее было не растолстеть, уподобившись государю, голодная смерть ему точно не грозила.

Небесный камень ответил красноречивым молчанием.

Не желая больше спорить с артефактом и отстаивать своё священное право на лень, Ше Цзе подхватил на руки белого кота Фэйляня и направился к выходу, бросив на ходу притихшему Люлану:

— Передай своему барину, когда он вернётся: его пушистый любимец теперь у меня. Если хочет вернуть кота — пусть приходит в гости на чашку чая.

Люлан так и застыл с открытым ртом. Это что же получается... похищение ради выкупа? Самый настоящий пушистый заложник?

Впрочем, сам «заложник» ничуть не возражал против своей участи. Кот блаженно замурлыкал, ластился к Ше Цзе и тёрся мордочкой о его плечо с ангельской покорностью. Сердце Наследника окончательно растаяло от любви к этому чудесному созданию. Разве можно пожалеть для такого красавца сушёной рыбы? Да забирай хоть всю!

Небесный камень не удержался от занудного замечания:

[Согласно статистическим исследованиям, домашние питомцы зачастую лишь имитируют привязанность к хозяину ради получения пищи. В дикой природе кошачьи не используют мяуканье для общения друг с другом — этот звук выработался в процессе эволюции исключительно как инструмент манипуляции людьми.]

«Скажи честно, тебя кто-то сильно обидел в прошлом?» — съязвил Ше Цзе.

Тем временем во дворце утренний совет превратился в поле битвы. Голоса гражданских чиновников сливались в нескончаемом споре, тогда как военные безмолвно стояли в стороне, лишённые права голоса. Вдовствующая императрица Не, которой по всем законам следовало соблюдать постельный режим после родов, уже восседала за ширмой позади трона государя. Она молчала, но её незримое присутствие ясно выражало непреклонную волю: она ни за что не согласится запретить династию в Цзянцзо и довольствоваться лишь клочком южных земель.

Поначалу советники сочли её вмешательство в дела правления верхом неприличия. Но, поразмыслив, смирились. В конце концов, она — мать будущего наследника престола. Наследный принц ещё слишком мал, а зная нрав нынешнего Гуаньцзя, тот вряд ли останется на престоле до совершеннолетия сына. Рано или поздно правление всё равно перешло бы в её руки, так что пусть привыкает к браздам правления уже сейчас.

Отец и братья вдовствующей императрицы занимали при дворе ничтожно малые должности, не имели реальной власти и отличались редкой трусостью. Сегодня они застыли в самом конце зала, тише воды ниже травы, отчаянно стараясь казаться робкими перепелами, дабы не привлечь к себе лишнего внимания.

Зато несколько чиновников среднего звена, прежде державшиеся в тени и не примыкавшие ни к одной из фракций, теперь открыто выступили на стороне вдовствующей императрицы. Оставалось лишь гадать, где за столь короткий срок она сумела раздобыть этих молодых и талантливых мужей, готовых рьяно защищать любое её решение. Между молодёжью и старыми сановниками, призывавшими к миру и осторожности, сошлась коса на камне, — споры кипели столь жаркие, что стороны едва не дошли до рукоприкладства прямо в тронном зале.

Но самым непредвиденным оказалось то, что Шэнь-цзун, обычно избегавший поспешных решений и личной инициативы, на сей раз полностью разделил позицию вдовствующей императрицы.

Многие вельможи сочли это проявлением семейственной слабости, обвиняя государя в потворстве родне вопреки государственному благу. И лишь сам Шэнь-цзун знал: его упрямство не имело ничего общего с родственными чувствами или интригами. Он искренне, всем сердцем верил, что провозглашение Цзянцзо столицей погубит страну.

Фан Чаоцы накануне хранил молчание и сегодня не планировал вмешиваться в спор. Подобные распри редко сулили выгоду: даже при успехе награда была сомнительной, а в случае неудачи можно было легко навлечь на себя гнев противников. Но... его пальцы нащупали в широком рукаве свиток с докладом, который он собственноручно составил прошлой ночью.

Сделав глубокий вдох, он решительно шагнул вперёд, склонился в глубоком поклоне и звонко произнёс:

— У вашего покорного слуги есть прошение к престолу.

Праздник проветривания книг в усадьбе Фан назначили на конец седьмого лунного месяца, выбрав для этого погожий ясный день, совпавший с официальным выходным. Собрание должно было продлиться несколько дней, однако самые знатные господа и прославленные литераторы собрались именно в первое утро. Для них эта встреча была скорее светским приёмом и возможностью завести нужные знакомства, нежели простым чтением старых манускриптов.

Желающих попасть в дом Фан Чаоцы оказался великое множество. Молодые учёные рвались туда со всех концов страны — кто ради встречи с самим хозяином дома, прославившим гением, кто в надежде побеседовать со знаменитыми гостями. Приглашения ценились на вес золота.

Разумеется, семья Фан не опустилась бы до открытой продажи билетов — подобная меркантильность мгновенно осквернила бы благородное собрание запахом медных монет. Но Фан Чаоцы разослал немало пригласительных открыток, каждая из которых позволяла гостю привести с собой ещё троих — будь то слуги, друзья или сокурсники. И тут предприимчивый люд проявил поистине удивительную изобретательность в делах наживы.

Свободные места на пригласительном свитке можно было выгодно перепродать поодиночке или же уступить всю карточку целиком компании из четырёх человек. К примеру, если бедный студент сопровождал своего почтенного наставника, собственное приглашение ему становилось без надобности. Тогда он мог спокойно продать все четыре места со своей именной карточки богатым бездельникам.

Для многих талантливых, но отчаянно нуждающихся юношей эти деньги стали настоящим спасением от голода и долгов.

Все прекрасно понимали, что хозяин усадьбы не может не знать о подобных сделках. Но Фан Чаоцы хранил благородное молчание, тем самым молчаливо одобряя этот способ поддержки бедных книжников. При этом он искусно оберегал самолюбие ранимых юных учёных, за что снискал в их кругах славу человека благородного и милосердного.

Ше Цзе, однако, лишь сокрушённо вздыхал:

— Продавай ты эти приглашения сам, сколько бы серебра мог выручить!

Он прекрасно знал чистоплюйство здешних литераторов, которые величали деньги не иначе как «презренным металлом», брезгливо отворачивали нос от богатства и презирали всякого, кто не выказывал должной «возвышенности». Ни один уважающий себя книжник никогда бы не признался в любви к монетам, пускай даже Великая Ци превосходила все прежние династии по уровню свободы торговли и процветания купечества.

Пожалуй, в этом лицемерном кругу Ше Цзе оставался единственным, кто без тени смущения заявлял о своей страсти к звонкой монете. Увы, бесценная библиотека дома Ше, насчитывавшая десятки тысяч свитков, перешла к нему от покойного отца. Попробуй Ше Цзе нажиться на его наследии — и толпа разгневанных праведников мгновенно утопила бы его в презрении. Да что там чужаки — собственная матушка спустила бы с него три шкуры! Для Великой старшей принцессы добрая память об усопшем супруге была столь же священна, как и благополучие сына. Будь Ше Хэ жив, принцесса, возможно, смотрела бы на вещи проще, но мёртвые всегда выигрывают спор у живых.

Поэтому Ше Цзе оставалось лишь тихо грустить. Всякий раз, видя толпы гостей на собственном празднике сушки книг, он мысленно подсчитывал убытки. Ни гроша прибыли, да

ещё и горы чая уходят на угощение — сущее разорение!

Сам Ше Цзе плевать хотел на общественное мнение. Слава — вещь эфемерная, в могилу её с собой не унесёшь и на хлеб не намажешь, а хлопот от неё не оберёшься: вечно следи за каждым словом и шагом. Жить так — сущая каторга. Однако, спохватившись, он торопливо добавил, глядя на Фан Чаоцы:

— Впрочем, беречь репутацию — дело тоже благородное. Каждому своё: одни ищут выгоды, как я, другие дорожат честью, как большинство учёных мужей. Я вовсе не осуждаю их, не подумай плохого.

Фан Чаоцы прикрыл рот ладонью и негромко рассмеялся:

— Я тоже не слишком дорожу славой. Просто на данном поприще она служит отличным подспорьем для моих целей.

Говоря это, он внимательно, хоть и незаметно, следил за выражением лица Ше Цзе.

Но Ше Цзе был слишком простодушен и прямолинеен, чтобы строить коварные догадки. Он лишь подумал: «Не зря его считают будущим великим интриганом — готов извлечь пользу даже из собственного имени!»

— И какая же польза от этого имени? — любопытствовал он.

— Ну... вести за собой людей? Повелевать умами? — Фан Чаоцы на миг задумался. — К тому же добрая слава отлично конвертируется в звонкую монету. Взять хотя бы моё сегодняшнее собрание.

— Да ведь вся прибыль уходит этим спекулянтам-перекупщикам, — недовольно протянул Ше Цзе.

— А кто сказал, что я сам не торгую приглашениями втайне от всех? — улыбка Фан Чаоцы стала шире. С виду он по-прежнему казался чистым небожителем, готовым вот-вот воспарить к облакам, но дела творил куда более приземлённые и масштабные, нежели Ше Цзе.

Фан Чаоцы охотно поведал юному Наследнику о своей маленькой хитрости. Разумеется, пригласительные свитки для знатных господ и признанных мэтров он подписывал лично и отправлял с посыльными, а то и вручал сам при встрече. Однако подписывать именные карточки для сотен безвестных книжников у него не было ни времени, ни желания. Он просто велел изготовить шаблон без указания имён, а переписчики с хорошим почерком растиражировали его в сотнях экземпляров.

Многие сочли отсутствие имён на открытках заботой о неимущих студентах, дабы те могли

безбоязненно продать свои места. На деле же Фан Чаоцы сам превосходно наживался на продаже этих безымянных свитков через подставных лиц.

— Когда я сам контролирую сбыт, мне проще отсеивать нежелательных гостей, чтобы случайные грубияны не оскорбили взоры именитых господ.

Да даже если бы кто-то и устроил переполох — беда невелика. Всю вину всегда можно свалить на бедных студентов, промышляющих спекуляцией. Сам же устроитель праздника останется чист и невинен. А если он ещё и принесёт публичные извинения за чужую оплошность, его благородство и великодушие лишь ярче воссияют в глазах общества.

Ше Цзе лишился дара речи. Коварство соседа заставило его вновь пересмотреть свои взгляды и мысленно посмеяться над собственной прежней глупостью. И откуда только у него взялась дерзость надеяться, что он сможет приструнить этого интригана до того, как тот обретёт власть при дворе? У Фан Чаоцы ум был острее бритвы, а хитрость превосходила все мыслимые пределы — такому ничего не стоило обвести вокруг пальца кого угодно.

— Испугался? — с непонятной интонацией спросил Фан Чаоцы.

— С какой стати мне бояться? — Наследник Ше гордо выпятил грудь и бросил на друга вызывающий взгляд. — Попробуй только сотворить против меня каверзу — и я мигом растреплю о твоих делишках на каждом углу! У меня на тебя теперь есть верный донос.

— Совершенно верно, — Фан Чаоцы сузил сияющие глаза, в которых сквозило ласковое тепло. — У тебя в руках моё слабое место. Пожалуйста, распорядись им с умом.

— Тогда тебе лучше поскорее задобрить меня! Кто знает, если моё настроение улучшится, я, быть может, обо всём позабуду, — Ше Цзе обожал разыгрывать представления, а уж когда перед ним был столь благодарный и угодливый зритель, его актёрский талант раскрывался в полной мере.

Фан Чаоцы, не теряя времени, осторожно взял Ше Цзе за руку и принялся легонько разминать его предплечье, разгоняя кровь по жилам искусным массажем.

— Ну как, доволен ли господин моим усердием?

— Сносно, — высокомерно процедил юный Наследник.

Договорить они не успели — с улицы донёсся нарастающий шум. Ше Цзе явился к соседу с самого утра, якобы «помочь» (а на деле — просто покрутиться под ногами), наскоро проглотив у себя миску жидкой каши. Они вместе позавтракали, всласть наболтались, и теперь настало время встречать первых гостей.

Первыми, разумеется, прибыли не именитые старцы, дорожащие своим положением, и не бедные безвестные студенты, а близкие приятели и добрые знакомые Фан Чаоцы.

Среди них выделялся Чжань Хожань — прямой потомок и наследник прославленного клана Чжань из Дунхая.

Чжань Хожань полностью оправдывал своё имя: это был великодушный, открытый, хоть и излишне порывистый юноша, излучавший искреннее дружелюбие. В новую усадьбу Фан Чаоцы он вошёл без тени стеснения, точно к себе домой. В компании молодых господ из знатных семейств они весело переговаривались и шутили, являя собой живое воплощение юношеского задора и беззаботности.

Пересекая передний двор, Чжань Хожань вскинул голову и обомлел. Как старый и близкий друг хозяина, он прекрасно знал белого кота Фэйляня, в котором Фан Чаоцы души не чаял.

Но сейчас этот домашний любимец с самым покорным видом катал на спине хохлатого попугая. Птица восседала на пушистом скакуне с таким важным и спесивым видом, словно за её спиной стояла целая армия. Картина была уморительная.

Чжань Хожань невольно замедлил шаг, разглядывая странную парочку.

Он уже собирался расспросить сопровождавшую их служанку, откуда здесь взялось это пернатое чудо, как вдруг попугай задрал голову и уставился прямо на гостя. Кот тоже поднял взор. Две пары глаз — круглые птичьи и янтарные кошачьи — уставились на молодого человека с нескрываемым высокомерием и подозрением.

— Чо вылупился?! — дерзко выкрикнул попугай Эр-е. Эту фразу он явно перенял от Ше Цзе — интонация была точь-в-точь как у несносного Наследника.

Чжань Хожань, не знавший предыстории, так и покатился со смеху, решив, что птица действительно способна ругаться. Остальные молодые вельможи тоже обступили их с любопытством, а один из шутников весело крикнул в ответ:

— Да на тебя любимся, чучело! Ты сам-то что делаешь?

Молодёжь приготовилась услышать бессмысленное бормотание или глупый птичий стёб.

Но попугай лишь презрительно фыркнул и выдал:

— Не видишь, попугай кота тискает? Тьфу на вас, деревенщина немытая!